

Авторский стереотип немца в *Исповеди* Михаила Бакунина

1

Как проблема стереотипа вообще („неизменный, общепринятый образец”; „стандартное мнение”; „система относительно стабильных (фиксированных), чрезмерно упрощенных убеждений (установок, отношений), [...] мнений, суждений, оценок”¹, так и проблема этнического (национального) стереотипа в частности (“обобщенно-типичные, зачастую упрощенные, односторонние, неточные представления одного народа о другом или о самом себе”²), уже давно находятся в центре внимания специалистов разных профилей – этнографов, социологов, психологов, культурологов, филологов³, а так

---

¹ Современный словарь иностранных слов, 2-е изд., Москва 1999, с. 580; *Краткий словарь когнитивных терминов*, под ред. Е.С. Кубряковой, Москва 1966, с. 177; Р.С. Немов, *Психологический словарь*, Москва 2007, с. 417. См.: краткий обзор литературы, посвященной категории стереотипа в кн. Н.В. Володиной, *Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения*, Москва 2010, с. 30-38.

² См.: В.П. Гудков, *Стереотип России и русских в сербской литературе*, „Вестник Московского университета”, сер. 9. Филология, Москва 2001, № 2, с. 20-21.

³ См.: *Этнические стереотипы поведения*, Москва 1985; *Stereotypes and Nations*, Ed. by T. Walas, Cracow 1995; *Национальные отношения*, Словарь под ред. В.Л. Калашникова, Москва 1997; Г.Д. Гачев, *Национальные образы мира: Курс лекций*, Москва 1998; С.В. Оболенская, *Германия и немцы глазами русских: (XIX век)*, Москва 2000. *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*, отв. ред. В.А. Хорев, Москва 2002; В.А. Хорев, *Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки*, Москва 2005; С. Филюшкина, *Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода)*, „Логос” 2005, (49), с. 141-155; Г. Ионкис, *Евреи и немцы в контексте истории и культуры*, С.-Петербург 2006; Е.Г. Фалькова, *Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях*, С.-Петербург 2007. Стоит обратить внимание на хрестоматию Ю. Чернявской: *Психология национальной нетерпимости* (Минск 1998), где представлены фрагменты из работ психологов, этнологов, филологов, писателей, публицистов, таких, как И. Кон, Г. Померанц, П. Гуревич, В. Гроссман, Л. Гумилев, Р. Вебер, В. Шубарт, др. о сути и причинах межнациональной вражды.

же практических менеджеров, бизнесменов, туристов⁴.

В период великих географических открытий, когда начался процесс активного узнавания разных стран, народов, народностей, племен, культур, начался и процесс формирования представлений о разных этносах. В эпоху романтизма с его повышенным вниманием к фольклору, истории, духу различных эпох и национальностей, с умением вживаться в «другой» мир и воссоздавать образы «чужой» культуры, а также с разрушением и ниспровержением устоявшихся трафаретов в области эстетики, сложились и свои собственные клише, среди которых и этнические стереотипы. Интерес к национальной и социальной типизации стал характерным свойством реализма. Не без влияния литературы в русском быту распространились стандартизированные представления о представителях ряда национальностей. Так, французов связывали с такими свойствами, как жизнелюбие, / галантность /, легкомыслие; англичан с педантизмом, немцев с практичностью, пунктуальностью и любовью к порядку, итальянцев с эксцентричностью.

На основе общепринятых национальных стереотипов в литературе нередко создавались стереотипы авторские, выполняющие определенную задачу в художественном тексте. Широко известны, например, авторские стереотипы Льва Толстого в романе *Война и мир*, где писатель, опираясь отчасти на общепринятые суждения, создает выразительные характеры персонажей, отражающие и его собственные представления о психо-ментальных особенностях, присущих той или иной национальности. Очень выразительно писатель представил, например, «типичного немецкого генерала-теоретика» Пфуля, входившего в число советников Александра I:

„Пфуль был один из тех безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми только бывают немцы, и именно потому, что только немцы бывают самоуверенными на основании отвлеченной идеи — науки, то есть мнимого знания совершенной истины”⁵.

И далее Толстой сравнивает представителей нескольких национальностей, опираясь в своих суждениях либо целиком на традиционные национальные стереотипы, либо вводя свои поправки:

⁴ См., например, А. Сергеева, *Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность*, 3-е изд, Москва 2005.

⁵ Л.Н. Толстой, *Собрание сочинений в 22 т.*, Москва 1980, т. 6, с. 52.

„Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего в мире государства, и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что все, что он делает как англичанин, несомненно хорошо. Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя и других. Русский самоуверен потому, что ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него абсолютная истина”⁶.

В приведенном фрагменте, как видно, «работают» и сложившиеся стереотипы, и присутствуют индивидуальные оценки и отношение автора. Подобное можно обнаружить и в творчестве других авторов, в частности и у героя моего доклада.

2

Вопросы национальной самоидентификации (кто Я?) и национальной стереотипичности (каков Другой?) наиболее остро актуализируются в тех случаях, когда человек попадает в инонациональную среду. Михаил Бакунин (1814-1876)⁷ – прототип главных литературных героев-западников (Рудина и Ставрогина) в известных русских романах, как раз и оказался в такой ситуации. Он прожил большую часть своей жизни в эмиграции.

Оказавшись в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, куда он был заключен за участие в европейских революциях 1848-1849 гг., пропаганду социализма и коммунизма, Бакунин согласился на предложение императора Николая I представить ему письменную *Исповедь* (1851). В течение месяца узник написал, как он отметил, самое длинное в своей жизни письмо («письмо мое... написано очень твердо и смело») или, что более соответствует жанровому определению, - политическую исповедь. Определение жанровой разновидности текста Бакунин дал сам. Еще в *Защитительной записке* (некоторые

⁶ Там же, 52- 53.

⁷ См. обзор научной литературы и библиографию о М. Бакуине в кн.: А. Kamiński, *Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michaiła Bakunina*, Wrocław 2004, s. 7-38; 406-463.

исследователи считают ее претекстом *Исповеди* 1851 г.), написанной в аресте в конце 1849 - начале 1850 гг. в крепости Кенигштейн к адвокату Францу Отто, Бакунин сообщал, что сам попытается защищаться перед судом, и сделает это в «письме, в форме ... политической исповеди»⁸. Приступив к своему труду, Бакунин, обращаясь к русскому царю, сразу оговорил два условия, которые неуклонно соблюдал в процессе исповедания:

„Молю Вас только о двух вещах, государь! Во-первых, не сомневайтесь в истине слов моих: клянусь Вам, что никакая ложь, ниже тысячная часть лжи не вытечет из пера моего. А, во-вторых, молю Вас, государь, не требуйте от меня, чтобы я Вам исповедывал чужие грехи. Ведь на духу никто не открывает грехи других, только свои. [...] сознание, что я изменил чьей-нибудь доверенности или даже перенес слово, сказанное при мне, по неосторожности, было бы для меня мучительнее самой пытки. И в Ваших собственных глазах, государь, я хочу быть лучше преступником, заслуживающим жесточайшей казни, чем подлецом” (с. 26).

Обращает на себя внимание, что в *Исповеди* повествователь не ограничился только покаянной интонацией, свойственной раскаявшемуся грешнику. В тексте не менее значимой является и интонация агитационная, обусловленная пропагандой идей революционно-демократических и панславистских, характерных для Бакунина 40-х гг. Ср. примеры:

«...государь! я кругом виноват перед Вашим императорским величеством и перед законами отечества. Вы знаете мои преступления, и то, что Вам известно, достаточно для осуждения меня по законам на тяжчайшую казнь, существующую в России»; «я написал полную исповедь всех прегрешений» (с. 24); «великий грех на душе моей» (с. 125).

А вот образец иного рода:

«Наше собрание есть первое славянское собрание; мы должны положить здесь начало новой славянской жизни, провозгласить и утвердить единство всех славянских племен, соединенных отныне в одно нераздельное и великое политическое тело» (с. 81) «ошибаются [...] те, которые для восстановления славянской независимости надеются на помощь русского царя. [...] Император Николай не любит

⁸ М. Бакунин, *Собрание сочинений и писем (1828-1876)*. Т. I-IV, Москва 1935, т. IV, с. 28.

ни народной свободы, ни конституций: вы видели живой пример в Польше» (с. 83).

«Духовный сын» не скрывает от своего «духовного отца» и того факта, что превыше всего ценит свободу:

„Искать своего счастья в чужом счастье, своего собственного достоинства в достоинстве всех меня окружающих, быть свободным в свободе других, – вот вся моя вера, стремление всей моей жизни. Я считал священным долгом восставать против всякого притеснения, откуда бы оно ни происходило и на кого бы ни падало. Во мне было всегда много донкихотства: не только политического, но и в частной жизни; я не мог равнодушно смотреть на несправедливость, не говоря уж о решительном утеснении; вмешивался, часто без всякого призвания и права и не дав себе времени обдумать, в чужие дела...” (с. 106).

Среди других «признаний» Бакунина - описания многих событий, участником которых он был и многих лиц разных национальностей, с которыми был знаком.

Аристократ по рождению, Бакунин владел несколькими европейскими языками (немецким, французским, итальянским, английским), а будучи выходцем из многонационального государства (Россия объединяла в то время около 200 народностей), он обладал определенной толерантностью и терпимостью в отношении к чужим нравам и обычаям, что позволяло ему сравнительно быстро входить в инациональную среду и без проблем обустроиваться за границей (нередко за счет «принимающей стороны», поскольку денег никогда не было). Он легко усваивал не только чужие языки, но и чужие идеи, правда, нередко перерабатывал их до неузнаваемости (как было, например, с гегельянством российского периода). И тем не менее в *Исповеди* он написал: «Оторвавшись от родины ...я не умел сделаться ни немцем, ни французом ...я – русский и ...никогда не перестану быть русским» (с. 46).

За десять лет своего первого пребывания за границей Бакунин жил в Берлине, Дрездене, Цюрихе, Париже, Брюсселе, Риме, Венеции, Праге, Бреслау, Познани, многих других европейских городах. В его окружении были немцы, французы, англичане, итальянцы, бельгийцы, швейцарцы, австрийцы, венгры, греки, словаки, чехи, хорваты, поляки и представители др. национальностей, а среди них - немало крупных лидеров европейского революционного движения, чьи литературные портреты с разной степенью подробности представлены

в *Исповеди*. Более всего внимание автора сосредоточено на немцах, французах (игравших важную роль в европейском революционном движении), поляках и т.н. «славянах», т.е. сербах, хорватах, словенцах, чехах, словаках, карпатских русинах, боровшихся за свою национальную независимость и вынашивавших идею панславянского государства.

3

В бакунинской *Исповеди* доминирует немецкая тема, которая с большим или меньшим напряжением проходит через всю книгу. С самого начала автор вводит в свое повествование немецкую топику, которая, вопреки ожиданиям, не переходит в знаки культурного пространства; достаточно отвлеченно автор упоминает Германию, Берлинский университет, немецкую науку и философию, немецких профессоров; зато резюме делает неожиданно острые, нередко желчные. *Исповедь* Бакунин начал сообщением о том, что на 27 году жизни (1840), он

«с трудом выпросился у своего отца за границу, для того чтобы слушать курс наук в Берлинском университете». Поначалу он был совершенно «чужд ... всем политическим вопросам ... Занимался же науками, особенно германскою метафизикою, в которую был погружен исключительно, почти до сумасшествия, и день и ночь ничего другого не видя кроме категорий Гегеля» (с. 27-28).

Как известно, еще в России Герцен особо выделял Бакунина среди русских гегельянцев как наиболее талантливого, отмечал его высокий потенциал мыслителя-философа. Но Бакунин проучился в Берлинском университете всего полтора года (об обучении в исповеди ничего не сказал). Зато мы узнаем, как глубоко он разочаровался и в немецкой философии, и в немецких профессорах (из-за отвлеченности и отдаленности от реальной жизни, в то время как живая натура русского студента жаждала действий): «Я довольно скоро убедился в ничтожности и суетности всякой метафизики: я искал в ней жизни, а в ней смерть и скука, искал дела, а в ней абсолютное безделье» (с. 28). Здесь есть переключка с Толстым, который также критиковал отвлеченную немецкую науку, которую немец «сам выдумал и которая для него абсолютная истина». Германия, - заявил Бакунин, - «излечила» его «от преобладавшей в ней философской болезни» (с. 28). Этому

избавлению от метафизических «хворей и бредней» способствовало, как считал Бакунин, его «личное знакомство с немецкими профессорами» (с. 28). В исповеди не названо ни одного имени немецкого профессора, чьи лекции Бакунин слушал в качестве студента, зато в ней содержатся довольно саркастичные восклицания как в адрес немецкой профессуры, так и типичного немца в целом: «Что может быть уже, жалче, смешнее немецкого профессора да и немецкого человека вообще!» (с. 28). Этот пассаж звучит фактически в самом начале текста, задавая таким образом определенную аксиологическую тональность в отношении к немцам.

Возникает вопрос: не слукавил ли Бакунин? Ведь многие из преподавателей университета считались признанными специалистами в своей области и обладали европейской известностью. Проф. Карл Цумпт - автор популярного учебника латинской грамматики преподавал в Берлинском университете латинский язык и историю древнего Рима; проф. Август Бёк - древнегреческий язык и литературу; проф. Леопольд Ранке знакомил слушателей с собственной оригинальной концепцией всемирной истории, а проф. Карл Риттер с новыми методами изучения географии. Настоящим кумиром студенчества был профессор философии и поэт Карл Вердер. Будучи учеником Гегеля, он не только пропагандировал философию своего учителя, но и посвящал студентов в тонкости европейской мысли нового времени, умело оживляя философские умозаключения поэтическими примерами. Карл Вердер был любимым профессором таких русских студентов, как Николай Станкевич⁹, Тимофей Грановский, Константин Аксаков, Иван Тургенев и других (скорее всего и Бакунин не был здесь исключением¹⁰). Лекции по «философии откровения» в тот период читал Фридрих Шеллинг, слушателями которого, наряду с Бакуниным, были Серен Кьеркегор, Якоб Буркхардт. Из письма Бакунина к родным известно, что русский студент бывал у немецкого философа, «Много читал его и нашел в нем такую неизмеримую глубину жизни,

⁹ Н.В. Станкевич писал Я.М. Неверову в октябре 1837 г.: «...У меня родилась какая-то болезненная привязанность к Германии – я представляю себе, как ворочусь домой, как она мне будет снится, и мне хочется плакать в таком случае... Я много надеялся на Германию, в ней ожидал я – и еще ожидаю – душевного возрождения; кроме того, мечты детства, старые рыцарские романы, новые фантастические повести – все это сделало для нас Германию привлекательною». В кн.: *Переписка Николая Владимировича Станкевича 1830-1840*, Москва 1914, с. 383-384.

¹⁰ К сожалению, сохранилось очень мало писем Бакунина кон. 1830-х – нач.1840-х гг. к друзьям и знакомым. Вероятно, они были уничтожены адресатами после того, как Михаил Бакунин был объявлен властями государственным преступником.

творческого мышления, что уверен, он и теперь откроет нам много глубокого»¹¹. Обо всем этом в *Исповеди* также нет ни слова. Зато уничижительным рефреном звучит восклицание: «что может быть уже, жалче, смешнее немецкого профессора да и немецкого человека вообще!». Это суждение принадлежит не Бакунину-студенту, а Бакунину – узнику Петропавловской крепости, уже давно отошедшему от гегельянства, от философии, посвятившему свою жизнь революционной борьбе, претерпевшему немало испытаний на этом пути: дважды (в Германии и Австрии) он был приговорен к смерти. В *Исповеди* Бакунин, исповедывающийся русскому императору в 1851 г., оценивает и судит Бакунина 1840-х гг. и его жизнь среди немцев. Между героем и повествователем разница в десять лет. Именно повествователь и позволяет себе делать широкие обобщения:

«Кто узнает короче немецкую жизнь, тот не может любить немецкую науку; а немецкая философия есть чистое произведение немецкой жизни и занимает между действительными науками то же самое место, какое сами немцы занимают между живыми народами» (с. 28).

Такие суждения о Германии, немцах, немецкой философии насыщают бакунинское признание (и это при том, что оно обращено к Николаю I, свита которого, как известно, состояла в основном из немцев, и сам император пошучивал: *русские дворяне служат государству, а немецкие – мне*. Супруга императора Александра Федоровна - Шарлотта Прусская, немка).

В *Исповеди* все характеристики, касающиеся «немецкого человека вообще», создающие авторский стереотип немца, за единственным исключением, негативны. Бакунина раздражает немецкое филистерство, воплотившее в себе мещанскую посредственность, ограниченность, самодовольство¹².

¹¹ Цит. по: В. Демин, *Бакунин*, Москва 2006, с. 82-83.

¹² С оценками Бакунина в определенной степени солидаризировался позже Герцен. Ср.: „Немец теоретически развит, без сомнения, больше, чем все народы, но проку в этом нет до сих пор. Из католического фанатизма он перешел в протестантский пиетизм трансцендентальной философии и поэтизм филологии, а теперь понемногу перебирается в положительную науку: он „во всех классах учится прилежно“, и в этом вся его история; на страшном суде ему сочтут баллы. [...] Самые радикальные люди между немцами в частной жизни остаются филистерами. Смелые в логике, они освобождают себя от практической последовательности и впадают в вопиющие противоречия. [...] Немец ни во что не верит, но пользуется на выбор общественными предрассудками. Он привык к мелкому довольству, к Wohlbehagen, к покою и, переходя из своего кабинета в Prunkzimmer или спальню, жертвует халату, покою и кухне - свободную мысль свою. Немец большой сибарит, этого в нем не замечают, потому что его убогое раздолье и мел-

4

Исповедь пронизывает оппозиция национального противопоставления немцев и славян. В период нарастания революционных настроений немцы, считал Бакунин, в отличии от французов, только «играли в политику... Заговоров и серьезных предприятий между ними не было, а шуму, песней, потребления пива и хвастливой болтовни много... Клубы... их были не что иное как упражнение в красноречии или, лучше сказать, в пусторечии» (с. 71). В славянах (чехах, хорватах, словаках) Бакунин также не нашел какой-либо четкой политической целеустремленности: «Славяне в политическом отношении – дети» (с. 72). Но его симпатии, безусловно, на стороне славян. В сравнении с размеренным филистерством, с одной стороны, и чванливым пангерманизмом, с другой, как продуктами немецкой цивилизации, Бакунин увидел в славянах то, что захотел увидеть, – истинных сынов самой природы, не испорченных лицемерной цивилизацией (в них есть «неимоверная свежесть и несравненно более природного ума и энергии, чем в немцах»), им, как детям, казалось Бакунину, присущи естественность и глубина проявления чувств, некая патриархальность, стремление к семейному единству:

„Трогательно было видеть их встречу, их детский, но глубокий восторг; сказали бы, что члены одного и того же семейства, разбросанные грозною судьбою по целому миру, в первый раз свиделись после долгой и горькой разлуки: они плакали, они смеялись, они обнимались, – и в их слезах, в их радости, в их радушных приветствиях не было ни фраз, ни лжи, ни высокомерной напыщенности; все было просто, искренно, свято (с. 72-73)“.

Славяне как политическая и революционная сила привлекли внимание Бакунина благодаря его участию в Первом славянском съезде в Праге в 1848 г. Инициаторами съезда были славяне Австро-Венгерской империи¹³, самому Бакунину участие в Славянском съезде и общение с его делегатами во многом помогло понять европейский

кая жизнь неказисты... К тому же немец, лимфатический от природы, скоро тяжелеет и пускает тысячи корней в известный образ жизни; все, что может его вывести из его привычки, ужасает его филистерскую натуру”. А.И. Герцен, *Собрание сочинений в 8 т.*, Москва 1975, т. 6, с. 78-80.

¹³ М. Бакунин указывает конкретно на инициативу чехов: «Первая мысль собрать в Праге славянский конгресс принадлежит чехам, а именно Шафарыку, Палацкому и графу Туну» (с. 76).

панславизм¹⁴ и составить план своих действий в деле создания Славянской федерации. Из выступлений некоторых делегатов съезда Бакунин сделал вывод об искренних симпатиях славян к России, от которой они надеялись получить помощь и опору, а также увидел «до какой степени австрийское правительство да и немцы вообще боялись и боятся русского панславизма» (с. 75). Неизвестному адресату он написал следующее:

Панславизм в обратном смысле есть немецко-ненависть, потому что немцы первые коренные и злейшие притеснители славян..., говоря положительно, панславизм – это вера и уверенность в будущем славян; мы, славяне, составляем свой собственный мир, мир, который тысячу лет был угнетаем разными врагами... Панславизм есть вера, что соединение всех славянских племен, состоящих из 85 миллионов, внесет новую цивилизацию, новую живую истинную свободу в мир¹⁵.

На съезде Бакунин всем сердцем принял идею общеславянской федерации, естественно, под эгидой России и защищал ее до 1863 г. Взывая к славянам, он мечтал о славянстве как великом, свободном и независимом единстве:

Я уверил себя, что Россия... должна совершить революцию... и, освободив себя таким образом от внутреннего рабства, стать во главе славянского движения..., все земли, говорящие по-славянски, по-польски, должны были отделиться от Германии... мадьярская нация... молдавы и валахи... Греция войдут в Славянский союз... созиждется

¹⁴ Ещё в XVII веке хорватский мыслитель Юрий Крижанич выступал за единство славянских народов во главе с Русским Царством и пытался создать для славян единый язык. Слово «панславизм» впервые употребил Ян Геркель (словенец, чех, словак, «австрийский славянин») в книге *Основы общеславянского языка* (1826), где он попытался создать единый общеславянский язык для общеславянского царства. В 30-40-е гг. идеи славянского единства широко распространились как среди западных, так и среди южных славян (чех Йозеф Добровский, словак Павел Шафарик, хорват Людевит Гай, серб Вук Караджич, поляки Август Цешковский, Адам Мицкевич, др.), а также в России. Возникли разные концепции о политическом, культурном и языковом объединении славян: 1) под эгидой России (чех Йозеф Добровский и Михаил Бакунин), которая поможет славянским народам в борьбе против иноземной власти; 2) под эгидой преобразованной Австрийской империи, которая должна стать федерацией славян, австрийцев и венгров (чех Франтишек Палацкий); 3) поляки разделились: а) пророссийское течение (Станислав Сташиц, Август Цешковский) и б) антироссийское (Адам Мицкевич, Анджей Товянский, Казимир Бродзинский), считавшее, что главную роль в объединении славян должна играть Польша.

¹⁵ Цит. по: Г. Рокина, *Словаки и Пражский съезд 1848 г.*, [в:] *Славянское движение XIX-XX веков*, [электронный ресурс], http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:qw_VB9mi3yUJ:ec-dejavu.ru/p-2/Panslavism-2.html, [13.07.2012].

единое вольное восточное государство и как бы восточный возродившийся мир в противоположность западному, хотя и не во вражде с оным, и ... столицей его будет Константинополь (с. 101-102)».

Впервые пробудившиеся в душе Бакунина славянские чувства, настолько захлестнули его, что заставили на какое-то время забыть об интересах западно-европейского демократического движения. Причем Бакунину мало было общеславянского союза, он шел далее и ратовал в своем воззвании за Всеобщую федерацию европейских республик.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс (называвшие, кстати, Бакунина своим другом) абсолютно не разделяли его федеративных идей, они видели в славянах в ту пору темную, неорганизованную, бессознательную массу и считали, что создание славянской федерации ослабило бы процесс консолидации революционных сил в Европе. Эмоциональный Энгельс разразился пространными филиппиками в адрес *Воззвания* и его автора, усмотрев в бакунинских призывах предательство революции:

„На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов [чехов и хорватов] можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. ...тогда борьба, «беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть» со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм — не в интересах Германии, а в интересах революции!¹⁶».

Энгельс даже припугнул своих соратников тем, что просвещенная Европа может избавиться от груза славянского варварства путем его поголовного истребления во время ближайшей войны.

Реакцию немецких революционных лидеров на Пражский конгресс и воззвания к славянам Бакунин окрестил как «крик немецкого национального эгоизма», считая, что «немцы хотели свободы для себя, не для других» (с. 112); «немецкую национальную ярость против славян» он связывал с тем, что «немцы... с давних времен призывали смотреть на них (славян – Л.Л.) как на своих крепостных и не

¹⁶ Ф. Энгельс, *Демократический панславизм*, [электронный ресурс], <http://lugovoy-k.narod.ru/marx/06/062.htm>, [13.07.2012].

хотели им позволить даже идохнуть по-славянски!» (113). Бакунина впервые поразило и то, что межнациональные противоречия и конфликты могут быть значительно острее социальных:

„В сей ненависти против славян, в сих славяно-пожирющих криках участвовали решительно все немецкие партии; уж не одни только консерваторы и либералы ... демократы кричали против славян громче других: в газетах, в брошюрах, в законодательных и в народных собраниях, в клубах, в пивных лавках, на улице... Это был такой гул, такая неистовая буря, что если бы немецкий крик мог кого убить или кому повредить, то славяне уже давно все перемерли (с. 113)».

Post factum, по истечении более чем десяти лет, Бакунин, как кажется, по своему ответил на острую критику Энгельса его *Воззвания к славянам*, подчеркнув, что «ненависть против немцев есть первое основание славянского единства и взаимного уразумения славян»¹⁷.

„Чувство, преобладающее в славянах, есть ненависть к немцам. Энергическое, хоть и не учтливое выражение «проклятый немец», выговариваемое на всех славянских наречиях почти одинаковым образом, производит на каждого славянина неимоверное действие; я несколько раз пробовал его силу и видел, как оно побеждало самих поляков. Достаточно было иногда побранить кстати немцев для того, чтоб они позабыли и польскую исключительность и ненависть к русским и хитрую, хоть и ... бесполезную политику, заставляющую их часто кокетничать с немцами, – одним словом, для того, чтобы вырвать их совершенно из той тесной, болезненной, искусственно-холодной оболочки, в которой они живут поневоле, вследствие великих национальных несчастий; для того, чтобы пробудить в них живое славянское сердце и заставить их чувствовать заодно со всеми славянами. В Праге, где поношению немцев не было конца, я, и с самими поляками чувствовал себя ближе. Ненависть к немцам была неистощимым предметом всех разговоров; она служила вместо приветствия между незнакомыми: когда два славянина сходились, то первое слово между ними было почти всегда против немцев, как бы для того, чтобы уверить друг друга, что они оба – истинные, добрые славяне (с. 73-74)».

Каких немцев ненавидел Бакунин и его славяне? Судя по бакунинским признаниям, ненавистна была «кнуто-германская империя», основанная на порабощении и насилии народов, ненавистны в наименьшей степени немецкие филистеры (буржуа, мещане), под-

¹⁷ См. гл.: *Ненависть к немцам* в кн. В. Шубарт, *Европа и душа Востока*, пер. с нем. З. Антипенко и М. Назарова, Москва 2000, с. 361-373.

держивающие устои этой империи. Спасение Германии Бакунин видел в революционности городских пролетариев и анархической крестьянской войне, которые могли бы окончательно разрушить «политическое тело» империи. В конечном итоге все же не национальные симпатии или антипатии, а интересы революционной борьбы выступают у Бакунина в качестве приоритетных.

Итак, согласно бакунинским наблюдениям, выраженным в *Исповеди*, немец, как представитель любой другой нации, может быть добрым или злым, смешным или коварным, умным или глупым, может заниматься интеллектуальным трудом или революционной деятельностью, быть хвастливым болтуном, любителем шума, песен, пива, краснобаем, отвлеченным пустословом, склонным к спорам, брани, сплетням и проч, и проч. Но основе своей он надменен по отношению к другим нациям, сосредоточен на своих интересах, ограничен определенными рамками. Для бакунинского «немецкого человека вообще» характерны убежденность в своем превосходстве, самодовольство, национальный эгоизм. Справедлив ли Бакунин в оценках? Вероятно, лишь отчасти. И это вполне естественно, если припомнить, что этнические стереотипы – это обобщенно-типичные, зачастую упрощенные, односторонние, неточные представления одного народа о другом. В данном контексте, мне думается, весьма уместно напомнить суждение В.А. Хорева о том, что «представления о «другом» отнюдь не всегда полностью совпадают с объективной исторической реальностью. Но даже если они и противоречат реальности, рождаясь и закрепляясь в определенных исторических, национальных, политических и экономических условиях, они сами становятся исторической реальностью»¹⁸.

5

Что же касается описания Бакуниным в *Исповеди* длинного ряда конкретных людей немецкой национальности, то здесь картина получается совершенно иная. Именно среди немцев у Бакунина были очень близкие и дорогие ему люди. Намечу лишь некоторые контуры.

Осенью 1841 г. в Дрездене он познакомился с Арнольдом Руге и увлекся им как интересным, замечательным человеком, с твердой волей и ясным рассудком, прекрасным журналистом. И Руге в свою

¹⁸ В.А. Хорев, *О живучести стереотипов*, [в:] *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*, с. 17.

очередь оценил своего нового знакомого как очень образованного и обладающего крупным философским талантом. Знакомство очень быстро переросло в крепкую дружбу, и никому не ведомый Бакунин (он был моложе Руге на двенадцать лет) стал оказывать заметное влияние на вождя левых гегельянцев.

Особую роль в жизни Бакунина сыграл композитор, пианист Адольф Рейхель, в *Исповеди* о нем сказано:

„Познакомившись с ним в Дрездене, я... с ним сблизился, подружился, он мне был постоянно истинным и единственным другом; я жил с ним неразлучно, иногда даже и на его счет, до самого 1848-го года. Когда я был принужден оставить Швейцарию, - не захотев меня оставить, он поехал со мной в Бельгию (с. 39-40)”.

Рейхель – добрейшей и чистейшей души человек, друг на всю жизнь, на его руках Бакунин фактически умер.

Замечательные отношения сложились у Бакунина с Рихардом Вагнером. Весной 1849 г., находясь нелегально в Дрездене, он открыто заявился на концерт: оркестр, руководимый Вагнером, исполнял 9 симфонию Бетховена (в мемуарах Вагнера Бакунину отведено значительное место). Для Бакунина Вагнер – гениальный композитор и политический фантазер: „...я сразу признал в нем фантазера, и хотя с ним беседовал много о политике, но никогда с ним не связывался для совместных действий» (с. 224).

В кругу немецких знакомых – дрезденский демократ Кесслер, известный издатель Виганд, очень популярный поэт Георг Гервег (сыгравший трагическую роль в судьбе Герцена), его невеста Эмма Зигмунд, коммунист-утопист Вильгельм Вейтлинг, идеолог немецкого анархизма Макс Штирнер, известный писатель Варнгаген, десятки, сотни других немцев, сыгравших свою роль в судьбе Бакунина. Но это уже материал для иной статьи.

SUMMARY**The author's stereotype of a German
in *The Confession* by Mikhail Bakunin**

The author of this article observes that the Russian rebel, the European revolutions follower, the destroyer of the statehood, raised many contemporary problems in his narration and the question of the national identity in particular. She notes that the German theme has a dominant place in the book; and the Germans themselves are represented in two ways by Bakunin. On the one hand he draws real historical people with their individual traits and characteristics (Arnold Ruge, Adolf Reikhel, Rikhardom Vagner, Georg Gerveg, Emma Zigmund, Vilgelm Veitling, Maks Shtirner, Karl Avgust Varngagen, and many others); and many of them are considered close, precious, and are highly valued as well as admired by him. On the other hand he creates a generic image of "a German person"; the characteristic features of it are negative, with only one exception. Bakunin's stereotype of a German includes: the pompous Pan-Germanism; the measured philistinism that embodies mediocrity, narrow-mindedness and self-satisfaction; arrogance towards the other nations; the focus on narrow national interests.